

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Вторая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1829.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Вторая Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

lib.pushkinskijdom.ru

Съ дозволенія Правительства.

1825.

I.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

ПОСВЯЩЕНО Н. Н. Р.

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'yeillait. . . .

Межь тѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираешь,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаешь,

Зовешь меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни спраданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
 Пѣвцу возвышенной мечпы
 Звучишь незнаемая лира.
 Пою. Мнѣ внемлеть онъ и пы.

Подъялась вновь усшалаая сѣкира
 И жершву новую зовешъ.
 Пѣвецъ гошовъ; задумчивая лира
 Въ послѣднѣй разъ ему поешъ 1.

Заупра казнъ, привычный пиръ народу;
 Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поешъ? Поешъ она свободу:
 Не измѣнилась до конца!

“
 “
 “
 5

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
 Я плахъ обречень. Послѣдніе часы
 Влачу. Заушра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подымешъ за власы

Надъ равнодушною шолпою.

Простите, о друзья! Мой безпріюшный прахъ
 Не будешъ почивашъ въ саду, гдѣ провождали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ

Священно вамъ воспоминанье;

Исполните мое послѣднее желанье:

Оплачьте, милые, мой жребій въ пишинѣ;

Спрашишесь возбудишь слезами подозрѣнье;

Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы пресхупленье:

О брaтѣ сожалѣшь не смѣешъ нынѣ брaтѣ.

Еще жъ одна мольба: вы слушали спокрашъ

Спихи, лепучихъ думъ небрежныя созданья,

Разнообразныя, завѣсныя преданья

Всей младоспи моей. Надежды, и мечшы,

И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
Всю жизнь мою храняшь. У Авеля, у Фанни 2,
Молю, найдише ихъ; невинной музы дани
Сберише. Спрогій свѣшь, надменная молва
Не будешь вѣдашь ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падешь: мой незрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ швореній;
Я скоро весь умру. Но, пѣнь мою любя,
Хранише рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ; полною суевѣрной
Сбирайшесь иногда чашать мой свипокъ вѣрной,
И, долго слушая, скажише: эшо онъ;
Вопь рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, можетъ бышь, упѣшенъ буду я
Любовью; можетъ бышь, и Узница моя 3,
Уныла и блѣдна, спихамъ любви внимая...»

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 Пора весны его съ любовію, шоской
 Промчалась передъ нимъ. Красавиць шомны очи,
 И пѣсни, и пиры, и пламенные ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и стиховъ журчанье излилось:

« Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣспной жизни шѣнь,
 Свободу, и друзей, и сладоспную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою злашую младоспъ;
 Безпечною рукой меня вѣнчала радоспъ,
 И муза чисная дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.
 Когда жъ, Вакхической шревогой ушомаясь
 И новымъ пламенемъ незапно воспаясь,

Я упромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смященіи и гнѣвѣ;
Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, ушраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Какъ сладко жизнь моя лилась и ушекала!
Зачѣмъ опъ жизни сей, лѣнливой и проспой,
Я кинулся шуда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ спрасши дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Чшо дѣлашь было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, спихамъ и шишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
Мнѣ ль было управляшь спропшивыми конями
И крушо напряганъ безсильныя бразды?
И чшо жъ осшавлю я? Забышыя слѣды
Безумной ревности и дерзости ничшожной.
Погибни, голось мой, и шы, о призракъ ложной,
Ты, слово, звукъ пусшой...

« О нѣшь!

Умолкни, ропощь малодушной!

Гордись и радуйся, поэшь :

Ты не поникъ главой послушной

Передъ позоромъ нашихъ лѣшь ;

Ты презрѣль мощнаго злодѣя ;

Твой свѣшочь, грозно пламенѣя,

Жеспокимъ блескомъ озариль

Совѣшь правителей безславныхъ 4 ;

Твой бичь наспигнуль ихъ, казнилъ

.

Твой стихъ свисхаль по ихъ главамъ ;

Ты звалъ на нихъ, шы славиль Немезиду ;

Ты пѣль Марашовымъ жрецамъ

Кинжалъ и дѣву-эвмениду!

Когда свяшый спарикъ опъ плахи оприваль

Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой :

Ты смѣло имъ обоимъ руку даль ,

И передъ вами шрепешаль

Ареопагъ оспервенѣлой.

Гордись, гордись, пѣвецъ; а ты, свирѣпый звѣрь,

Моей главой играй шеперь:

Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:

Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуешь тебя!

Пей нашу кровь, живи, губя:

Ты все пигмей, пигмей ничтожный.

И часъ придешь... и онъ ужъ недалекъ:

Падешь, хищникъ! Негодованье

Воспрянешъ наконецъ. Опечеснѣе рыданье

Разбудишь ушомленный рокъ.

Теперь иду... пора... но ты спускайся за мною;

Я жду тебя. »

Такъ пѣлъ воспорженный поэтъ.

И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ

Блѣднѣлъ предъ упренной зарёю,

И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ

Къ рѣшешкѣ поднималъ важны взоры...

Вдругъ шумъ. Пришли, зовущъ. Они! Надежды нѣтъ!

Звучашъ ключи, замки, запоры.

Зовушь... Поспой, поспой; день шолько, день одинъ:

И казней нѣшь, и всѣмъ свобода,

И живъ великій гражданинъ

Среди великаго народа 5.

Не слышатъ. Шествиѣ безмолвно. Ждешъ палачъ.

Но дружба смертный пушь поэша очаруешъ 6.

Вошь плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуешъ 7...

Плачь, муза, плачь!...:

II.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она вельма...
Какъ долго медлиль я, какъ долго не хошбла
Рука предашь огню всѣ радости мои!...
Но полно, часъ насталь: гори, письмо любви.
Готовъ я; ничему душа моя не внемлеть.
Ужь пламя жадное листы пвои приемлеть...
Минушу!.. вспыхнули... пылають... легкій дымъ
Віась перяется съ моленіемъ моимъ.
Ужь перспня вѣрнаго упрапя впечатлѣнье,
Располенный сургучъ кипишь... О провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣшныя чершы
Бѣлюшь... Грудь моя спѣснилась. Пепель милой,
Оспрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Оспанься вѣкъ со мной на горесной груди....

III.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ побой колѣнопреклоненный,
Я на себя глядѣль и думаль: шы моя;
Ты знаешь, милая, желаль ли славы я;
Ты знаешь: удалень ошь въшреннаго свѣта,
Скучая суешнымъ прозваніемъ поэта,
Успавъ ошь долгихъ бурь, я вовсе не внималь
Жужжанью дальному упрековъ и похваль.
Могли ль меня молвы шревожишь приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ помипельные взоры
И руку на главу мнѣ шихо наложивъ,
Шепшала шы: скажи, шы любишь, шы счастливь?

Другую, какъ меня, скажи, любишь не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я спѣшенное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Сплюю,
Какъ пушникъ, молніей постигнумый въ пустынь,
И все передо мной зашмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ помимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чтобъ шымною
Окружена была, чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ себя звучало обо мнѣ,
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ шшинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во шмѣ ночной, въ минушу разлученья.

IV.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, Вакхальны припѣвы!
Да здравспвуюшь нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣ спаканъ наливайше!
 На звонкое дно
 Въ густое вино
Завѣшныя кольца бросайше!

**

Подыместъ спяканы , содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуюшь музы , да здравствуетъ разумъ!
Ты , солнце свяшое , гори!
Какъ эша лампада блѣднѣешь
Предъ яснымъ восходомъ зари ,
Такъ ложная мудрость мерцаешь и плѣешь
Предъ солнцемъ безсмершнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце , да скроешя шма!

V.

Если жизнь себя обманешь;
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, наспанешь.

Сердце въ будущемъ живешь;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

VI.

С А Ф О.

Счастливый юноша, пы всёмъ меня плѣнилъ:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

VII.

КОЗЛОВУ.

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно швой проснулся геній,
На все минувшее возрѣлъ,
И въ хорѣ свѣшлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпиль земныя муки.

Тебѣ онъ создалъ новый міръ :
Ты въ немъ и видишь, и лепашь ,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юноши кумирь.

А я, коль спихъ единый мой
Тебѣ мгновенье даль опрады,
Я не хочу другой награды :
Недаромъ шемною спезей
Я проходилъ пусшыню міра,
О нѣшь, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

VIII.

КЪ * * *

Я помню чудное мгновенье :
Передо мной явилась ты ,
Какъ мимолетное виденье ,
Какъ гений чистой красоты .

Въ помленьяхъ грусти безнадежной ,
Въ превогахъ шумной суеши ,
Звучаль мнѣ долго голосъ нѣжной
И снились милыя чершы .

Шли годы. Бурь порывъ мяшежный
Разсыяль прежнія мечшы,
И я забыль швой голосъ нѣжный,
Твои небесныя чершы,

Въ глуши, во мракѣ започенья
Тянулись шихо дни мои
Безъ божештва, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ насшало пробужденье:
И вошь опяшь явилась шы,
Какъ мимолешное видѣнье,
Какъ геній чистой красосы.

И сердце бьется въ упоеньѣ ,
И для него воскресли вновь
И божество , и вдохновенье ,
И жизнь , и слезы , и любовь .

IX.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЬ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопчешь?
Давай мнѣ мысль какую хочешь:
Ее съ конца я завоспряю,
Лешучей рифмой оперю,
Взложу на шепиву шугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А шамъ пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

X.

Д В И Ж Е Н І Е.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и спалъ предъ нимъ ходишь.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразишь;
Хвалили всѣ ошвѣтъ замысловащій.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводишь :
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходишь,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.

XI.

Д Р У Ж Б А.

Что дружба? Легкій пыль похмѣля,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнь щеславія, бездѣля,
Иль покровительсва позоръ.

XII.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчишь, и свищешь, и гремишь;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая боллушка,
Одно куку свое швердишь,
И эхо вслѣдъ за нею шо же.
Накуковали намъ шоску!
Хоть убѣжашь. Избавь насъ, Боже,
Ошь элегическихъ куку!

XIII.

С О В Ъ Т Ъ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ себя лешаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не спрашь учшивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смиришь ихъ родъ упрямой.
Сердишься грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграмой.

XIV.

Подъ небомъ голубымъ спраны своей родной
Она помилась, увядала...

Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной

Младая пѣнь уже лепала;

Но недоступная черша межъ нами ешь.

Напрасно чувство возбуждалъ я:

Изъ равнодушныхъ успѣ я слышала смерти вѣспѣ,

И равнодушно ей внимала я.

Такъ вопль кого любилъ я пламенной душой

Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,

Съ такою нѣжною, помишельной шоской,

Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!

Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей

Для бѣдной, легковѣрной пѣни,

Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней

Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

XV.

19 ОКТЯБРЯ.

Роняешь лѣсъ багряный свой уборъ ,
Сребришь морозъ увянувшее поле ,
Проглянешь день какъ будто по неволѣ ,
И скроешь за край окружныхъ горъ .
Пылай , каминь , въ моей пуспынной кельѣ ;
А шы , вино , осенней спужи другъ ,
Пролей мнѣ въ грудь опрадное похмѣлье ,
Минушное забвенье горькихъ мукъ .

Печалень я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожашь опъ сердца руку
И пожелашь веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вооще воображенье
Вокругъ меня поварищей зовешъ;
Знакомое не слышно приближенье,
И милаго душа моя не ждешъ.

Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуюшь....
Но многіе ль и шамъ изъ васъ пируюшь?
Еще кого не дощипались вы?
Кшо измѣнилъ плѣнншельной привычкѣ?
Кого опъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на брашской переключкѣ?
Кшо не пришель? Кого межъ вами нѣтъ?

* *

Онъ не пришелъ кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миршами Ишаліи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерпалъ надъ Рускою могилой
Словъ нѣсколько на языкъ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь пропикъ знойный
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Счастливымъ пушь!.. Съ Лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнуль шушь,
И съ той поры въ моряхъ швоя дорога,
О волнь и бурь любимое дышь!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы :
Лицейскій шумъ , Лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечшались тебѣ ;
Ты проспираль изъ-за моря намъ руку ,
Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
И повшорялъ : на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ , бышь можешь , осудилъ !

Друзья мои , прекрасенъ нашъ союзъ !
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
Неколебимъ , свободенъ и безпеченъ
Сроспался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ .
Куда бы насъ ни бросила судьбина ,
И счастье куда бѣ ни повело ,
Все тѣ же мы : намъ цѣлый мѣръ чужбина ;
Отечество намъ Царское - село .

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запущанный въ сѣняхъ судьбы суровой,
Я съ препешомъ на лоно дружбы новой,
Успавъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мяшежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пусынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая гошовилась опрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэша домъ опальный,
О * * * мой, ты первый посѣшилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицья прсвращилъ.

Ты, * * *, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — форшуну блескъ холодной
Не измѣнилъ души пвоей свободной:
Все пошь же ты для чеспи и друзей.
Намъ разный пушь судьбой назначень спрогой;
Сшупая въ жизнь, мы быспро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣшились и брашки обнялись.

Когда поспигъ меня судьбины гнѣвъ;
Для всѣхъ чужой, какъ сиропы бездомной
Подъ бурюю главой поникъ я шомной,
И ждалъ шебя, въщунъ Пермескихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О * * * мой: швой голосъ пробудиль
Сердечный жаръ шакъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословиль.

Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ лежали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я прапилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Служенье музъ не терпимъ суешы;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность намъ совѣщаетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечпы...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя шамъ.
Скажи, * * *, не по ль и съ нами было,
Мой братель родной по музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! душевных наших мук
Не споишь миръ; оставимъ заблудеңья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
Приди; огнемъ волшебнаго разказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую ошрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчишься годъ, и съ вами снова я,
Исполнишься завѣщъ моихъ мечпаній;
Промчишься годъ, и я явлюся къ вамъ!
О сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ подьяпыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ чesшь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствувешь Лицей!
Наспавникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ чesшю, и мершвымъ и живымъ,
Къ усшамъ подьявъ признапельную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы шупь!
Увы, нашъ кругъ часъ опъ часу рѣдѣеть;
Кшо въ гробѣ спить, кшо дальный сиротѣеть;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгуть;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому жъ изъ насъ подь спарость день Лицея
Торжештвовашь придется одному?

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Доучный гость и лишній и чужой,
Онъ вспомнишь насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ опрадой хощь печальной
Тогда сей день за чашей проведѣшь,
Какъ нынѣ я, запорникъ вашъ опальной,
Его провель безъ горя и заботъ.

XVI.

Ж Е Н И Х Ъ.

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на шрешью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами опець и машь
Къ Наташѣ спали приступать.
Наташа ихъ не слышишь,
Дрожишь и еле дышишь.

Тужила машь, шужиль ошець,
И `долго приступали,
И ошсступились наконецъ,
А шайны не узнали.
Нашаша спала, какъ была,
Опяшь румяна, весела,
Опяшь пошла съ сестрами
Сидѣшь за ворошами.

Разъ у песовыхъ у ворошь,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица — и вошь
Промчалась передъ ними
Лихая шройка съ молодцомъ.
Конями, крышыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ споя правишь
И гонишь всѣхъ и давишь.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
Нашаша поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Нашаша помершвѣла.
Спрямглавъ домой она бѣжишь.
Онъ! онъ! узнала! говоришь,
Онъ, почно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!

Печально слушаешь семья,
Качая головою;
Опець ей: « милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя, скажи,
Хошь шолько слѣдъ намъ укажи. »
Нашаша плачешь снова.
И болѣе ни слова.

Наустро сваха къ нимъ на дворъ

Нежданая приходишь.

Нашашу хвалишь, разговоръ

Съ опцомъ ея заводишь :

« У васъ поварь, у насъ купецъ ;

Собою парень молодець,

И спашной, и проворной,

Не вздорной, не зазорной.

« Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ

Не кланяешся въ поясъ,

А какъ бояринъ между шѣмъ

Живешь, не безпокоясь ;

А подаришь невѣспѣ вдругъ

И лисью шубу, и жемчугъ,

И перспни золошые,

И плашья парчевыя.

« Капаясь, видѣль онъ вчера
Ее за ворошами;
Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами? »
Она сидишь за пирогомъ,
Да рѣчь ведешь обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видишь мѣста.

« Согласенъ, говоришь опецъ;
Сступай благополучно,
Моя Нашаша, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣшелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковашь,
Не все косашкѣ распѣвашь,
Пора гнѣздо устроишь,
Чшобъ дѣшушекъ покоишь. »

Нашаша къ спѣнкѣ уперлась
И слово молвишь хочешь —
Вдругъ зарыдала, запряслась,
И плачешь и хохочешь.
Въ смяшенїи сваха къ ней бѣжишь,
Водой спуденою поишь
И льешь оспашокъ чаши
На голову Нашашаи.

Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Нашаша,
И говоришь: «послушна я,
Свяшая воля ваша.
Зовише жениха на пирь,
Пекише хлѣбы на весь мїрь,
На славу медь варише,
Да судь на пирь зовише.»

« Изволь, Нашаша, ангель мой!

Гошовъ шебѣ въ забаву

Я жизнь опдашь!» — И пирь горой;

Пекушь, варяшь на славу.

Вошь госпи чеспные нашли,

За споль невѣсшу повели;

Поюшь подружки, плачущь,

А вошь и сани скачущь.

Вошь и женихъ — и всѣ за споль.

Звеняшь, гремяшь спаканы,

Заздравный ковшь кругомъ пошоль;

Все шумно, госпи пьяны.

Женихъ. «А чшо же, милые друзья,

Невѣсша красная моя

Не пьешь, не ѣсшь, не служишь:

О чемъ невѣсша пужишь?»

Невѣста жениху въ отвѣтъ :

« Откроюсь на удачу.

Душѣ моею покоя нѣтъ ,

И день и ночь я плачу.

Недобрый сонъ меня крушитъ. »

Отецъ ей: « что жъ пвой сонъ гласитъ ?

Скажи намъ , что такое ,

Дитя мое родное ? »

« Мнѣ снилось , говоришь она ,

Зашла я въ лѣсъ дремучій ,

И было поздно ; чую луна

Свѣшила изъ-за тучи ;

Съ пропинки сбилась я : въ глуши

Не слышно было ни души ,

И сосны лишь да ели

Вершинами шумѣли.

★★

« И вдругъ, какъ будто наяву,
 Изба передо мною.
 Я къ ней спущу — молчашь. Зову —
 Опвѣща нѣшъ; съ мольбою
 Дверь опворила я. Вхожу —
 Въ избѣ свѣча горипъ; гляжу —
 Вездѣ сребро, да злапо,
 Все свѣшло и богашо. »

Женихъ. « А чѣмъ же худъ, скажи, пвой соль?»

Знашь жипъ шебѣ богашо. »

Невѣста. « Постой, сударь, не кончень онъ.

На серебро, на злапо,
 На сукна, коврики, парчу,
 На Новгородскую камчу
 Я молча любовалась,
 И диву дивовалась.

« Вдругъ слышу крикъ и конскій попь... »

Подъѣхали къ крылечку.

Я поскорѣ дверью хлопъ ,

И спряпалась за печку.

Вошь слышу много голосовъ.... »

Взошли двѣнадцашъ молодцовъ ,

И съ ними голубица

Красавица-дѣвица.

« Взошли шолпой, не поклонясь ,

Иконъ не замѣчая ;

За споль сядяшся, не молясь

И шапокъ не снимая.

На первомъ мѣстѣ браць большой ,

По праву руку браць меньшей ,

По лѣву голубица

Красавица-дѣвица.

« Крикъ, хохопъ, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье. . . »

Женихъ. « А чѣмъ же худъ, скажи, пвой сонъ? »

Въщяешь онъ веселье. »

Невѣста. « Поспой, сударь, не кончень онъ.

Идешь похмѣлье, громъ и звонъ,

Пвръ весело бушуешь,

Лишь дѣвица горюешь,

« Сидишь, молчишь, ни ѣшь, ни пьешь,

И шокомъ слезы почишь,

А старшій братъ свой ножъ берешь,

Присвистывая почишь;

Глядишь на дѣвицу-красу,

И вдругъ хватаешь / за косу,

Злодѣй дѣвицу губишь,

Ей праву руку рубишь. »

Ну, эшо, говоришь женихъ,
Прямая небылица!
Но не шути, швой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица.
Она глядишь ему въ лицо.
« А эшо съ чьей руки кольцо? »
Вдругъ молвила невѣста,
И всѣ привспали съ мѣста.

Кольцо капипся и звенишь,
Женихъ дрожишь блѣднѣя;
Смупились госпи — Судъ гласишь:
Держи, вязашь злодѣя!
Злодѣй окованъ, обличень,
И скоро смертію казненъ.
Прославилась Нашаша!
И вся пушъ пѣсня наша.

XVII.

Въ крови горишь огонь желанья,
Душа побой уязвлена,
Лобзай меня: швои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почию безмяшежной,
Пока дохнешь веселый день
И двигнешся ночная шнь.

XVIII.

Верхоградъ моей сеспры
Верхоградъ уединенный;
Чиспый ключъ у ней съ горы
Не бѣжишь запечашлѣнный.
У меня плоды блестящъ
Наливные, золошые;
У меня бѣгущъ, шумящъ
Воды чиспя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богашы:
Лишь повѣшь аквилонъ,
И закаплюшь аромашы.

XIX.

П. А. О * * *.

Бышь можешъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставашся,
Вдыхашъ о милой спаринѣ,
И сельской музѣ въ пишинѣ
Душой безпечной предавашся.

Но и въ дали, въ краю чужомъ
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней.

Когда померкнеть ясный день,
Одна изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь
Лепишь поскующая шѣнь
На милыхъ бросишь взоръ умильной.

XX.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофиль.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлаешь, Фаустъ?

Таковъ вамъ положень предѣль,
Его жь никшо не пресшупаешь.
Вся шварь разумная скучаешь:
Иной опъ лѣни, шопъ опъ дѣль;
Кшо вѣришь, кшо ушрашилъ вѣру;
Топъ насладишься не успѣль,
Топъ насладился черезмѣру,

И всякъ зѣваешь да живешь —
 И всѣхъ вась гробъ, зѣвая, ждешь.
 Зѣвай и ты.

Ф А У С Т Ъ.

Сухая шушка!

Найди мнѣ способъ какъ нибудь
 Разсѣяшься.

М е ф и с т о ф и л ь.

Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.
 Въ своемъ альбомѣ запиши:
 Fastidium est quies — скука
 Ошдохновеніе души.
 Я психологъ... о вопшь наука!..
 Скажи, когда ты не скучаль?
 Подумай, поищи. Тогда ли,
 Какъ надъ Виргилиемъ дремалъ,
 А розги умъ швой возбуждали?
 Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ
 Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья

И въ буйствѣ шумномъ посвящаль
 Имъ пыль вечерняго похмѣлья?
 Тогда ль, какъ погрузился шы
 Въ великодушныя мечшы,
 Въ пучину темную науки?
 Но, помнишься, тогда со скуки,
 Какъ арлекина, изъ огня
 Ты вызваль наконецъ меня.
 Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
 Развеселишь себя спарался,
 Возилъ и къ вѣдьямъ и къ духамъ,
 И что же? все поцуспякамъ.
 Желаль шы славы — и добился,
 Хошѣль влюбисься — и влюбился.
 Ты съ жизни взяль возможну дань,
 А былъ ли счасливъ?

Ф а у с т ь.

Переспань,
 Не расправляй мнѣ язвы шайной.
 Въ глубокомъ знаньи жизни нѣшь —

Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
 А слава... лучъ ея случайной
 Неуловимъ. Мiрская чесшь
 Безсмысленна, какъ сонъ... Но есть
 Прямое благо: сочешанье
 Двухъ душъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
 Не правда ль? Но нельзя ль узнатьъ,
 Кого изволишь поминашь,
 Не Грешхень ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесной!
 О пламя чистое любви!
 Тамъ, шамъ — гдѣ шѣнь, гдѣ шумъ древесной,
 Гдѣ сладко-звонкія спруи —
 Тамъ, на груди ея прелестной
 Покоя помвную главу,
 Я счастливь былъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

Творецъ небесной!

Ты бредишь, Фаустъ, ^и наяву!

Услужливымъ воспоминаньемъ

Себя обманываешь ты.

Не я ль шебѣ своимъ спараньемъ

Доспавиль чудо красоты?

И въ часъ полуночи глубокой

Съ шобою свель ее? Тогда

Плодами своего шруда

Я забавлялся одинокой,

Какъ вы вдвоемъ — все помню я.

Когда красавица швоя

Была въ воспоргѣ, въ упоеньѣ,

Ты безпокойною душой

Ужь погружался въ размышленье

(А доказали мы съ шобой,

Чшо размышленье — скуки сѣмя).

И знаешь ли, философъ мой,

Чшо думалъ ты въ шакое время,

Когда не думаешь никшо?

Скажашь ли?

Ф л а у с т ь .

Говори. Ну, что?

М е ф и с т о ф и л ь .

Ты думаль: агнецъ мой послушной!

Какъ жадно я тебя желаль!

Какъ хипро въ дѣвѣ просподушной

Я грезы сердца возмущаль!

Любви невольной, безкорыстной

Невинно предалась она...

Чшожь грудь моя шеперь полна

Тоской и скукой ненавистной?...

На жертву прихопи моей

Гляжу, упившись наслажденьемъ,

Съ неодолимымъ отвращеньемъ:

Такъ безрасчешный дуралей,

Вошще рѣшась на злое дѣло,

Зарѣзавъ ницаго въ лѣсу,

Бранить ободранное шѣло;

Такъ на продажную красу,
 Насыпясь ею шоропливо,
 Развращь косишься боязливо...
 Пошомъ изъ эшаго всего
 Одно ты выведь заключенье...

Ф а у с т ь.

Сокройся, адское шворенье!
 Бѣги ошь взора моего!

М е ф и с т о ф и л ь.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
 Безь дѣла, знаешь, ошь тебя
 Не смѣю оплучаться я —
 Я даромъ времени не шрачу.

Ф а у с т ь.

Что шамъ бѣлѣешь? говори.

М е ф и с т о ф и л ь.

Корабль Испанскій шрехмачшовый,
 Приспашь въ Голландію гошовый:
 На немъ мерзавцевъ сошни шри,

Двѣ обезьяны, бочки злапа,
Да грузъ богашый шоколапа...

.

Ф А У С Т Ъ.

Все ушопишь.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Сей часъ. (*Исчезаетъ.*)

XXI.

Н. Н.

Примите Невскій Альманахъ.

Онъ миль и въ прозѣ и въ стихахъ :

Вы шупъ найдете * * * ова ,

Вел * * * , Х * * * ова ;

К * * * , дальній вашъ родня ,

Украшилъ шакже книжку эпу ;

Но не найдете вы меня :

Мои стихи скользнули въ Лепу.

Чшо слава міра?.. дымъ и прахъ.

Ахъ , сердце ваше мнѣ дороже!...

Но , кажешся , мнѣ шрудно поже

Попасъ и въ эпошъ альманахъ.

XXII.

Б У Р Я.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда, лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И въсперъ бился и лепалъ
Съ ея лепучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ
И небо въ блескахъ безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнь, небесь и бури.

1826.

I.

П Р О Р О К Ъ.

Духовной жаждою помимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылой Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Першами легкими какъ сонъ
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Опверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полѣшь,

И гадь морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ успамъ моимъ приникъ,
И вырваль грѣшной мой языкъ,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ успа замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце шрепешное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь опверсшую водвинулъ.
Какъ шрушь въ пуспынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззваль:
«Возспань, Пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.»

II.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые шуманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льется печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Ушомительно гремитъ.

Что-то слышишься родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика ;
То разгулье удалое ,
То сердечная поска

Ни огня, ни черной хашы
Глушь и снѣгъ . . . Навспрѣчу мнѣ
Только версты полосашы
Попадаюшя однѣ .

Скучно, грустно . . . Завтра, Нина ,
Завтра къ милой возвращаясь ,
Я забудусь у камина ,
Загляжусь не наглядясь .

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрной кругъ свой совершишь,
И докучныхъ удаляя
Полночь насъ не разлучишь.

Грустно, Нина: пухъ мой скучень,
Дремля смолкнулъ мой ящикъ,
Колокольчикъ однозвучень,
Опуманень лунный ликъ.

III.

ОТВѢТЪ О. Т***.

Нѣшъ, не Черкешенка она :
Но въ долы Грузіи опѣвка
Такая дѣва не сошла
Съ высокошь угрюмага Казбека.

Нѣшъ, не агашъ въ глазахъ у ней :
Но всѣ сокровища востока
Не сшояшъ сладосшныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

IV.

КЪ ЯЗ * * *.

Яз * * *, кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь, и какъ ты миль,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не Каспальскою водой
Ты воспоилъ свою камену;
Пегасъ иную Иппокрену
Копытомъ вышибъ предъ собой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой;

Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напишокъ благородной,
Слянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

1827.

I.

С Т А Н С Ы.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни :
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мясежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укрощилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ опличенъ Долгорукой.

* *

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ спраны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, по герой,
То мореплавашель, по плошникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На пронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордь;
Во всемъ будь Пращуру подобень:
Какъ Онъ неушомимъ и пвѣрдь,
И памяшью, какъ Онъ, незлобень.

II.

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынный скалы,
Гдѣ луна шептѣ блещеть
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводишь Мусульманъ,
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила шалисманъ.

И, ласкаясь, говорила :
« Сохрани мой шалисманъ :
Въ немъ таинственная сила !
Онъ шебѣ любовью данъ.
Опъ недуга, опъ могилы ,
Въ бурю, въ грозный ураганъ ,
Головы твоей, мой милый ,
Не спасешъ мой шалисманъ.

И богатствами Востока
Онъ тебя не одаритъ ,
И поклонниковъ Пророка
Онъ шебѣ не покоришь ;
И тебя на лоно друга ,
Опъ печальныхъ чуждыхъ странъ ,
Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчитъ мой шалисманъ....

Но когда коварны очи
Очарують вдругъ шебя,
Иль уста во мракъ ночи
Поцалують не любя :
Милый другъ! ошь пресступленья,
Ошь сердечныхъ новыхъ ранъ,
Ошь измѣны, ошь забвенья
Сохранишь мой палисманъ! »

III.

А Н Г Е Л Ъ.

Въ дверяхъ Эдема Ангель нѣжный
Главой поникшею сіяль,
А Демонъ мрачный и мяшежный
Надъ адской бездною лешаль.

Духъ оприцанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взираль
И жарь невольный умиленья
Впервые смупно познаваль.

Просши, онъ рекъ, себя я видѣль,
И шы не даромъ мнѣ сіяль:
Не все я въ небѣ ненавиѣль,
Не все я въ мірѣ презираль.

IV.

СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей,
Поешъ надъ розою воспочный соловей.
Но роза милая не чувспвуеть, не внимлеть,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлеть.
Не такъ ли ты поешъ для хладной красопы?
Опомнись, о поэтъ, къ чему спремишься ты?
Она не слушаеть, не чувспвуеть поэта;
Глядишь, она цвѣтеть; взываешь— нѣтъ отвѣта.

V.

Ч Е Р Е П Ъ.

Прими сей черепъ, Д***: онъ
Принадлежишь тебѣ поправу.
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его гошическую славу.

Почтенный черепъ сей неразъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Лишовскій мечъ въ недобрый часъ
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эшу косъ не проходила
Лучъ живошворный Аполлона;
Ну словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,

Барона Д***. Баронъ
Конечно былъ охотникъ славный,
Наездникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ жёнъ.
Мой другъ, шаковъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ швой крѣпкоголовый
Смутился бь рыцарской душой,
Когда бь шебя передь собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Сь главою, миршами вѣнчанной,
Вь очкахъ и сь лирой золошой.

Покойникомъ вь церковной книгѣ
Ужь былъ давно записанъ онъ,
И сь предками своими вь Ригѣ
Вкушаль непробудимый сонъ.
Баронъ вь обители печальной
Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
Пасшора лесью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной

И эпипафией плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣшь.
Космашый баловень природы;
И машемашикъ и поэшь,
Буянь задумчивый и важный,
Хирургъ, юрисшь, фізіологъ,
Идеологъ и філологъ,
Короче вамъ — спуденшь присяжный,
Съ вишою шрубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ шракширахъ ешаль онъ пѣнишь пиво,
Въ дыму шабачныхъ облаковъ;
Бродишь надъ берегами моря,
Мечшашъ о Лошхень, или съ горя
Спиши пишашъ, да бишь Жидовъ.
Спуденшь подѣ лѣшницей шракшира
Въ каморкѣ шсмной жиль одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркаль и карпинъ,

Корошкѣй плащъ, карпузь, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихше и Плашона,
Да два воспочныхъ лексикона,
Подъ паушиною въ углу
Лежали грудой на полу,
Предмешъ заняшій разнородныхъ
Ученаго, да крысь голодныхъ.
Мы знаемъ: роскоши пусшой
Почтенный мыслишель не ищешъ;
Смѣясь надъ глупой суешой,
Въ чуланѣ онъ безопасно свищешъ.
Умѣренносшь, вѣщаль мудрецъ,
Сердецъ высокихъ ошпечашокъ.
Спуденшъ однакожь наконецъ
Замѣшилъ важный недосшашокъ
Въ своемъ бышу: ему предмешъ
Необходимый былъ... скелешъ;
Предмешъ, философамъ любезный,

Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣшь :
Но гдѣ достанешь онъ скелешъ ?
Вотъ онъ однажды въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И шопчасъ взявъ въ соображенъе
Его характеръ и служенъе,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой герой
Ошкрылся кистеру душой
И говоришь : нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свесни меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между шѣмъ одинъ скелешъ
Помочь мнѣ вынесни на свѣшь ?
Клянусь тебѣ Айдескимъ богомъ :
Онъ будешъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обишели моей.

Смутился кистеръ изумленный.
 « Чшо за желанье? чшо за спрась? »
 Иши въ подваль уединенный,
 Вспревожишь мершвыхъ сонъ почщенный
 И одного изъ нихъ укрась!
 И кто же?... Онъ, гробовъ хранипель!
 Чшо скажущъ мершвые пошомъ? »
 Но пиво, спраха усыпипель
 И гнѣвной совѣсти смирипель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ нёмъ.
 Ну, шакъ и бышь! Даетъ онъ слово,
 Чшо къ ночи будешъ все гошово
 И другу назначаешъ часъ.
 Они разспались.

День угась./

Наспала ночь. Плащемъ покрытый,
 Споишь герой нашъ знаменистый
 У галереи гробовой,
 И съ нимъ пресшупный кистеръ мой,
 Держа въ рукѣ фонарь разбистый,

Гоповъ на подвигъ роковой.
 И вопъ визжишь замокъ заржавый,
 Визжишь предапельская дверь —
 И сходяшь випязи шеперь
 Во мракъ подвала величавый;
 Сіяньемъ пощимъ фонаря
 Глухіе своды озаря,
 Идушъ — и эхо гробовое,
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 Прощажно впорисъ звукъ шаговъ.
 Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
 Вездѣ щипы, гербы, короны;
 Въ щеславномъ шлѣніи кругомъ
 Почіюшъ непробуднымъ сномъ
 Высокородные бароны...

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рифмы
 въ эту поэтическую минушу, если бы швой
 прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку спу-
 денша, вздумалъ за себя всшущипься, ухвашя

его за ворошь, или погрозивъ ему копянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію похищеніе совершилось благополучно. Спуденшъ по часнямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы копями его. Возвращаясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ сошпавиль себѣ скелеть очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ прапширный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а спуденшъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельство не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, шо, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей достпалась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ шабакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я себя

люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ шѣхъ,
кошорымъ обязанъ я своимъ существованіемъ.

Прими жь сей черепъ, Д * * *: онъ
Принадлежишь тебѣ поправу.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благоприспѣшную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу,
Виномъ кипящимъ освящи,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай,
И Скандинавовъ рай воинской
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлетъ-Барапынской,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный иль нуспой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ споишь головы живой.

★ ★

VI.

П О Э Т Ъ.

Пока не пребуешь поэша
Къ священной жерпвѣ Аполмонъ,
Въ забошахъ суешнаго свѣша
Онъ малодушно погружёнъ;
Молчишь его свяшая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣшей ничпожныхъ міра,
Бышь можеть, всѣхъ ничпожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснешся,
Душа поэта вспрепенешся,
Какъ пробудившійся орёлъ.
Тоскуешь онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждаешся молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонишь гордой головы;
Бѣжишь онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смяшенья полнь,
На берега пусшынныхъ волнь,
Въ широкошумныя дубровы...

VII.

Близъ мѣсть, гдѣ царствуешь Венеція злая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Вespera по взморію плывешь,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поешь.
Онъ любишь пѣснь свою, поешь онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаешь ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнь,
Умѣешь услаждать свой пушь надъ бездною волнь.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури шакъ жестоко
Преслѣдують во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ опзыва успѣшно я пою
И шайные стихи обдумывать люблю.

VIII.

КНЯГИНЬ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Среди разсыянной Москвы,
При полкахъ виспа и боспона,
При бальномъ лепешь молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красопы,
Рукою нѣжной держишь пы
Волшебный скипепрь вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьешся и пылаешъ геній.

Пѣвца, плѣннаго побой,
Не опвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣдомъ Кашалани
Цыганкѣ внемлеть кочевой.

1828.

I.

Ч Е Р Н Ь.

Procul este, profani.

Поэшь по лиръ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцаль.
Онъ пѣль — а хладной и надменной
Кругомъ народъ непосвященной
Ему безмысленно внималь.

И полковала чернь шупая:
« Зачѣмъ такъ звучно онъ поешъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведешъ?»

О чемъ бренчишь? чему насъ учишь?
 Зачѣмъ сердца волнуешь, мучишь,
 Какъ своенравный чародѣй?
 Какъ въсперъ пѣснь его свободна,
 За шо какъ въсперъ и бесплодна:
 Какая польза намъ ошь ней? »

П о э т ь.

Молчи, бессмысленный народъ,
 Поденщикъ, рабъ нужды, забошь!
 Несносень мнѣ швой ропощъ дерзкой.
 Ты червь земли, не сынъ небесъ;
 Тебѣ бы пользы все — на вѣсь
 Кумиръ пы цѣнишь Бельведерской.
 Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
 Но мраморъ сей вѣдь богъ!... шакъ чшо же?
 Печной горшокъ шебѣ дороже;
 Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Ч е р н ь.

Нѣтъ, если пы небесъ избранникъ,
 Свой даръ, божеспвенный посланникъ,

Во благо намъ упошребляй:
 Сердца собрашьевъ исправляй.
 Мы малодушны, мы коварны,
 Безспыдны, злы, неблагодарны;
 Мы сердцемъ хладные скопцы,
 Клевешники, рабы, глупцы;
 Гнѣздяшся клубомъ въ насъ пороки:
 Ты можешь, ближняго любя,
 Давашь намъ смѣлые уроки,
 А мы послушаемъ шебя.

П о э т ь.

Подише прочь — какое дѣло
 Поэшу мирному до васъ!
 Въ развратѣ каменѣйше смѣло:
 Не оживишь васъ лиры гласъ!
 Душѣ прошивны вы какъ гробы.
 Для вашей глупости и злобы
 Имѣли вы до сей поры
 Бичи, пемницы, шопоры;
 Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Смешаютъ соръ — полезный прудъ! —
Но, позабывъ свое служенье,
Алшарь и жершвоприношенье,
Жрецы ль у васъ мешлу берутъ?
Не для жишейскаго волненья,
Не для корысти, не для бипвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

II.

Спо лѣтъ минуло, какъ Тевшонь
Въ крови невѣрныхъ окупался ;
Спраной полночной правиль онь.
Уже Прусакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся, и въ Липву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Спруился Нѣмень : на одномъ
Еще надъ древними спѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Духовъ приспанища свяшыл.
Сумволь Германца, на другомъ

Крешъ вѣры, въ небо возносящій
Свои обѣщія грозящи,
Казалось, свыше захвапиль
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачиль.

Съ медвѣжей кожей на плечахъ,
Въ космашой рысей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ спрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Лишовцы юные, въ полпахъ,
Со спороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрышый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На спражѣ Нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль, съ молишвой, заряжалъ.

Всякъ переправу охранялъ:
Токъ Нѣмена госпепріимной,
Свидѣшель ихъ вражды взаимной,
Спаль прагомъ вѣчноспи для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ ушихъ,
И всякъ, пересступившій воды,
Лишень былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль Липовскихъ береговъ,
Нѣмецкой шополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ просниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ прошивныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
Постаринѣ вражды не знали,
И въ оспровъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ госши прилешали.

III.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣши,
Вшоропяхъ зовушь ошца:
«Тяпя! шяпя! наши съши
Пришацили мершвеца.»
Врише, врише, бѣсеняша,
Заворчалъ на нихъ ошець;
Охъ, ужъ эши мнѣ робяша!
Будешъ вамъ ужо мершвець!

Судь надешь, опвѣчай-ка;
 Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
 Дѣлашь нечего; хозяйка,
 Дай кафшанъ: ужь поплешусь...
 Гдѣ жь мертвецъ?—«Вонъ, шая, э-вошь!
 Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
 Гдѣ разосланъ мокрой неводъ,
 Мершвыи видѣнь на пескѣ.

Безобразно прупъ ужасный
 Посинѣлъ и весь распухъ.
 Горемыка ли несчастный
 Погубилъ свой грѣшный духъ,
 Рыболовъ ли взялъ волнами,
 Али хмѣльный молодець,
 Аль ограбленный ворами
 Недогадливый купецъ:

**

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ;
Онъ попопленное шѣло
Въ воду за ноги пащитъ
И опъ берега крушаго
Ошполкнулъ его весломъ,
И мершвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и кресномъ.'

Долго мершвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой:
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
« Вы, щенки! за мной спупайте!
Будеть вамъ по калачу,
Да смоприте жъ, не болшайте,
А не шо поколочу. »

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужь лучина догорѣла
Въ дымной хашѣ мужика,
Дѣши спяшь, хозяйка дремлешь,
На палапахъ мужъ лежишь,
Буря воешь; вдругъ онъ внемлешь:
Кшо-шо шамъ въ окно сшучить.

«Кшо шамъ?» — Эй, впусти, хозяинь! —

«Ну, какая шамъ бѣда?»

Чшо ты ночью бродишь, Каинь?»

Чоршь занесъ шебя сюда;

Гдѣ возишься мнѣ съ шобюю?»

Дома шѣсно и шемно.»

И лѣнивою рукою

Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за пучь луна капишся —
Чшо же? голый передь нимъ :
Съ бороды вода спруишся ,
Взорь опкрышь и недвижимъ ,
Все въ немъ спрашно онѣмло ,
Опустились руки внизь ,
И въ распухнувшее пѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ :
Госпя голаго узнавъ ,
Такъ и обмеръ : чшобъ ши лопнулъ !
Прошепшаль онъ задрожавъ .
Спрашно мысли въ немъ мѣшались ,
Трясса ночь онъ напролѣшь ,
И до утра все спучались
Подъ окномъ и у ворошъ .

Есть въ народѣ слухъ ужасный :
Говоряшь , что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный госпя ждёшь ;
Ужь съ утра погода злишя ,
Ночью буря насшаёшь ,
И ушопленникъ спучишя
Подъ окномъ и у ворошь .

IV.

Т Ы и В Ы.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
Она обмолвясъ замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво спую;
Свеспи очей съ нея нѣпъ силы;
И говорю ей: какъ *вы* милы!
И мыслю: какъ *тебя* люблю!

V.

Кобылица молодая,
Чеснь Кавказскаго шавра,
Чшо пы мчишься, удалая?
И шебѣ пришла пора;
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди; шебя заспавлю
Я смиришься подо мной:
Въ мѣрный кругъ швой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.

VI.

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь :
Не пью, любезный мой соседъ !
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной осправой :
Онъ заманишь меня попомъ
Тебѣ вослѣдъ опяшь за славой.
Не такъ ли опытный гусаръ,
Вербуя рекрута, подносишь
Ему веселый Вакха даръ,

Пока воинственный угаръ
Его на мѣспѣ не подкоситъ?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ сшрояхъ Парнасса;
Предъ дѣломъ кубокъ наливай
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмѣлья пожинай.

VII.

НА ПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ :
Спрасшей безумныхъ и мяшежныхъ
Какъ упоишелень языкъ !
Но прекраши свои рассказы,
Таи, шаи свои мечшы :
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнатьъ, что знала шы !

VIII.

И. В. С * * *.

Я не люблю альбомовъ модныхъ :
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только спѣсь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой,
Милѣй болшливостью любезной
И безыскусной песпрошой.
Ни здѣсь, ни шамъ, скажу я смѣло,
Являясь впрочемъ не хочу;
Но швой альбомъ другое дѣло,
Охошно дань ему плачу.

Тобой пишомцамъ Аполлона
Не изъ щеславья онъ ошкрыть :
Цариць ты любишь Геликона
И ими самъ не позабышь ;
Вхожу въ него прямымъ поэпомъ ,
Какъ въ дружескій , пріятный домъ ,
Почпивъ хозяина привѣшомъ
И ларъ молишвеннымъ спихомъ .

IX.

В О С П О М И Н А Н І Е.

Когда для смершнаго умолкнешь шумный день
И на нѣмыя спогны града
Полупрозрачная наляжешь ночи шѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ шо время для меня влачатся въ шишинѣ
Часы помисельнаго бдѣнья :
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горяшь во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья ;
Мечшы кипяшь ; въ умѣ, подавленномъ шоской,
Тѣснися пяхкихъ думъ избышокъ ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваешь свипокъ :

И, съ опшвращеніемъ чипая жизнь мою,
Я препенцу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но спрокъ печальныхъ не смываю.

X.

Воронъ къ ворону лешипъ ,
Воронъ ворону кричипъ :
Воронъ , гдѣ бѣ намъ опобѣдашь ?
Какъ бы намъ о шомъ провѣдашь ?

Воронъ ворону въ опвѣшь :
Знаю , будешь намъ обѣдъ ;
Въ чиспомъ полѣ подѣ ракипой
Богатырь лежипъ убишой .

Кѣмъ убишь и опъ чего,
Знаешь соколь лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соколь въ рошу улешѣль,
На кобылку недругъ сѣль,
А хозяйка ждешъ милóва,
Не убишаго, живова.

XI.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова шучи надо мною
Собралися въ пишинѣ;
Рокъ зависшливый бѣдою
Угрожаешь снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и шерпѣнье
Гордой юности моей?

* *

Бурной жизнью уполенный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ бышь, еще спасенный,
Снова приспань я найду....
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжашь твою, мой ангель, руку
Я спѣшу въ послѣднѣй разъ.

Ангель кропкій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: проспи,
Опечалься: взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И швое воспоминанье
Замѣнишь душѣ моей
Силу, гордосць, упованье
И отвагу юныхъ дней.

XII.

Ц В Ё Т О К Ъ.

Цвѣшокъ засохшій, безуханной,
Забышій въ книгѣ вижу я;
И вопъ уже мечшою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣль? когда? какой весною?
И долго ль цвѣль? и сорвань кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положень сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ шиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли шопъ, и ша жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣшокъ?

XIII.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, сшройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранишь —
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Попому что здѣсь порой
Ходишь маленькая ножка,
Вьешся локонь золошой.

XIV.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминають мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальней.

Увы, напоминають мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаешь мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.

XV.

ОТВѢТЪ А. Н. ГОТОВЦОВОЙ.

И недоувѣрчиво и жадно
Смошрю я на швои цвѣшы.
Кшо, спрогій споикъ, примешъ хладно
Привѣшь харишь и красопы?
Горжуся имъ, но и робью:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадашь вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
О, сколько бѣ мукъ себѣ гошовиль
Красавиць въшрeный Зоиль,
Когда бѣ предашельски злословиль
Сей поль, кошорому служиль!

Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ; а ты
Была всегда бь опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

XVI.

TO DAWE, ESQ^R,

Зачѣмъ швой дивный карандашъ
Рисуешь мой арапскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищешь Мефистофиль.

Рисуй * * * черты.

Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

1829.

Е. Н. У * * * В О Й.

Вы избалованы природой ;
Она приспращна къ вамъ была ,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажешся докучной одой .
Вы сами знаете давно ,
Что васъ любить немудрено ,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида ,
Что легкимъ спаномъ вы Сильфида ,
Что ваши алыя уста ,
Какъ гармоническая роза ...
И наши рифмы , наша проза ,
Предъ вами шумъ и суеша .

Но красоты воспоминанье
Намъ сердце прогаешь пайкомъ —
И спрокъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память поневоля
Придешь вамъ шопъ, кто васъ пѣвалъ
Въ шѣ дни, какъ Пр * * * поде
Еще заборъ не заграждалъ.

РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

П Т И Ч К А.

Въ чужбинѣ свяшо наблюдаю
Родный обычай старины :
На волю птичку выпускаю
При свѣпломъ праздникѣ весны.
Я спалъ досупень ушѣшенью ;
Зачшо на Бога мнѣ ропшашъ,
Когда хошь одному шворенью
Я могъ свободу даровашъ !

II.

И Н О С Т Р А Н К Ъ.

На языкъ, тебѣ невнятною,
Спихи прощальныя пишу;
Но въ заблужденіи пріятною
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукѣ чувство погубя,
Богшворить не переспану
Тебя, мой другъ, одну себя.
На чуждыя черпы взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его спраспей не понимая.

III.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдешь въковъ зависпливую даль,
И, внемля имъ, вздохнешь о славъ младость,
Упѣшишся безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

IV.

К. А. Б * * *.

Что можемъ наскоро спихами молвить ей?

Мнѣ истина всего дороже.

Подумаешь не успеешь, скажу: ты всѣхъ милѣй;

Подумаешь, я скажу все позже.

V.

П Р И Я Т Е Л Я М Ъ.

Враги мои, покаместъ я ни слова...
И, кажешся, мой быспрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любаго:
Не избѣжишь пронзительныхъ когшей,
Какъ налечу нежданный, беспощадный.
Такъ въ облакахъ кружишься яспребъ жадный
И спорожись индѣекъ и гусей.

VI.

Р О З А.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дышя зари.
Не говори:
Такъ вянешь младость!
Не говори:
Вошь жизни радость!
Цвѣшку скажи:
Проси, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.

VII.

С Т А Р И К Ъ.

Ужь я не пошь любовникъ спрасшной,
Кому дивился прежде свѣшь :
Моя весна и лѣшо красно
Навѣкъ прошли, пропаль и слѣдь.
Амурь, богъ возраспа младаго!
Я швой служитель вѣрный былъ ;
Ахъ, если бь могъ родиться снова,
Ужь шакъ ли бь я шебь служиль!

VIII.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоиль
Разводишь опиумъ чернилъ
Слюнею бѣшеной собаки.

IX.

П Р И Я Т Е Л Ю.

Не пришворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшень лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
Я слишкомъ въпренъ и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

X.

Л И Л Ъ.

Лила, Лила, я спрадаю
Безошрадную шоской,
Я шомлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила: ты прекрасна
И безчувственной красой.

.XІ.

КЪ * * *.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часпо омрачѣнъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой оспылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кшо разъ любилъ, ужъ не полюбишь вновь;
Кшо счастье зналъ, ужъ не узнаешь счастья.
На крашкѣй мигъ блаженство намъ дано:
Ошъ юности, ошъ нѣгъ и сладоспращья
Останется уныніе одно.

XII.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богашъ; иди къ вѣнцу:
И богашство ей приспало,
И рога шебѣ къ лицу.

XIII.

У Е Д И Н Е Н І Е.

Блаженъ, кто въ опдаленной сѣни,
Вдали взыскапельныхъ невѣждъ,
Дни дѣлишь межъ прудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрышь, по милоспи Творца,
Ошь усыпипеля глупца,
Ошь пробудипеля нахала.

XIV.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносень Оирсъ ученый,
Педаншь надупый и мудреный:
Онъ важно судишь обо всѣмъ,
Всего онъ знаешь понемногу.
Люблю себя, сосѣдь Пахомъ:
Ты просто глупъ, и слава Богу.

XV.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я спихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шупъ о нихъ спапейку писнулъ,
Безъ подписи жъ пуспивъ ее злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шупу
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когпямъ узналъ меня вминушу,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

XVI.

И М Я Н И Н Ы.

Умножайше шумъ и радосшь;
Пойше пѣсни въ добрый часъ:
Дружба, грація и младосшь
Имянинницы у насъ.
Между шѣмъ диша крылапо,
Васъ привѣщсшвуя, друзья,
Вшайнѣ думасшь: когда-шо
Имянинникъ буду я?

XVII.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаешь онъ привычнымъ ухомъ

Свистъ ;

Мараешь онъ единымъ духомъ

Листъ ;

Пошомъ всему шерзаетъ свѣшу

Слухъ ;

Пошомъ печашаетъ : и въ Лешу

Бухъ !

XVIII.

КЪ ПОРТРЕТУ * * *.

Судьба свои дары явишь желала въ нёмъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

XIX.

Хошь впрочемъ онъ поэтъ изрядный;

Эмилій человекъ *пустой*.

Да шы чѣмъ *полонъ* шушь нарядный?

А, понимаю: самъ собой;

Ты *полонъ* дряни, милый мой!

XX.

Какъ брань себѣ не надоѣла!
Расчешь корошюкъ мой съ шобой:
Ну, шакъ, я праздень, я безъ дѣла;
А шы бездѣльникъ дѣловой.

XXI.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

Я люблю вечерній пиръ,
Гдѣ веселье председапель,
А свобода, мой кумиръ,
За споломъ законодапель,
Гдѣ до упра слово пей
Заглушаешь крики пѣсень,
Гдѣ проспоренъ кругъ гостей,
А кружокъ бушылокъ шѣсень.

XXII.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Что жь новаго? — « Ей Богу ничего. »
— Эй не хипри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не спыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердипь: помилуй, брашь, за что?
Не будь упрямь: скажи ты мнѣ хошь слово...
« Охъ! опвяжись, я знаю шолько шо,
Что ты дуракъ, да эшо ужъ не ново, »

XIII.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодаши;
Съ счасіемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не кшаши
И умны вы не впопадъ.

XXIV.

КЪ Б * * *.

Сшихъ каждый повѣсти швоей
Звучишь и блещешь какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А швой Зоиль прямой Чухонецъ.

XXV.

ЗОЛОТО И БУЛАТЬ.

Все мое, сказало злато;

Все мое, сказалъ булатъ.

Все куплю, сказало злато;

Все возьму, сказалъ булатъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
1825. √ I. Андрей Шенье.....	7.
II. Сожженное письмо.....	16.
III. Желаніе славы.....	17.
IV. Вакхическая пѣсня.....	19.
V. (Если жизнь шебя обманешъ).....	21.
VI. Сафо.....	22.
VII. Козлову. <i>По полученіи отъ него</i> <i>Чернеца</i>	23.
VIII. Къ * * *.....	25.
IX. Прозаикъ и поэтъ.....	28.
X. Движеніе.....	29.
XI. Дружба.....	30.
XII. Соловей и Кукушка.....	31.
XIII. Совѣтъ.....	32.
XIV. (Подъ небомъ голубымъ спраны своей родной).....	33.
XV. 19 Окпября.....	34.
XVI. Женихъ. <i>Простонародная сказка</i> ...44.	
XVII. (Въ крови горитъ огонь желанья)...56.	
XVIII. (Верхоградъ моей сестры).....57.	
XIX. П. А. О * * *.....58.	
XX. Сцена изъ Фауста.....60.	
XXI. Н. Н. <i>При посылкѣ ей Невскаго</i> <i>Альманаха</i>68.	
XXII. Буря.....69.	

1826. I. Пророкъ 73.
 II. Зимняя дорога 75.
 III. Опвѣшь Ѳ. Т * * * 78.
 IV. Къ Яз * * * 76.
1827. I. Спансы 83.
 II. Талисманъ 85.
 III. Ангель 88.
 IV. Соловей 90.
 V. Черепъ. *Посланіе къ Д * * ** 91.
 VI. Поэшь 100.
 VII. (Близъ мѣспъ, гдѣ царспвуенъ Венеція злашая). *Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье* 102.
 VIII. Княгиня З. А. Волконской. *При посылкѣ ей поэмы: Цыганы* 103.
1828. I. Чернь 107.
 II. (Спо лѣпъ минуло, какъ Тевпонъ).
*Отрывокъ изъ поэмы Мицкевита:
 Конрадъ Валленродъ* 111.
 III. Упопленникъ. *Простонародная сказка* 114.
 IV. Ты и Вы 120.
 V. (Кобылица молодая). *Подражаніе Анакреону* 121.
 VI. Опвѣшь Кашенину 122.
 VII. Наперникъ 124.
 VIII. И. В. С * * * 125.
 IX. Воспоминаніе 127.

Спран.

	Х. (Воронъ къ ворону лепишь). <i>Шотландская пѣсня</i>	129.
	ХІ. Предчувствіе.....	131.
	ХІІ. Цвѣшокъ.....	133.
	ХІІІ. (Городъ пышный, городъ бѣдный). ..	135.
	ХІV. (Не пой, красавица, при мнѣ) ...	136.
	ХV. Ошвѣтъ А. Н. Гоповцовой.....	138.
	ХVІ. To Dawe Esqr.	140.
1829.	Е. Н. У * * * вой. <i>Вѣ Альболиѣ</i> ..	143.

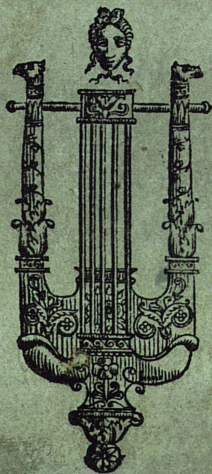
Разныхъ годовъ:

	I. Ппичка.....	147.
	II. Иноспранкъ.....	148.
	III. Къ портрету Жуковского	149.
	IV. К. А. Б * * *,	150.
	V. Пріятелямъ	151.
	VI. Роза	152.
	VII. Спарикъ. <i>Изъ Маро</i>	153.
	VIII. (Охотникъ до журнальной драки)..	154.
	IX. Пріятелю.....	155.
	X. Лилѣ.....	156.
	XI. Къ * * *.....	157.
	XII. (У Кларисы денегъ мало).....	158.
	XIII. Уединеніе.....	159.
	XIV. Добрый чловѣкъ	160.
	XV. <i>Ex ungue leonem</i>	161.
	XVI. Имянины.....	162.
	XVII. Исторія стихотворца.....	163.

	Спран.
XVIII. Къ поршрешу * * *.....	164.
XIX. (Хошь впрочемъ онъ поэштъ изряд- ный).....	165.
XX. (Какъ брань шебѣ не надоѣла)	166.
XXI. Веселый ширь.....	167.
XXII. Любопышный.....	168.
XXIII. (Нѣштъ ни въ чемъ намъ благодаши).	169.
XXIV. Къ Б * * *.....	170.
XXV. Золошо и булашъ.....	171.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

№ 64
кн. I

Вторая Часть Стихотворений Алек-
сандра Пушкина продается во всѣхъ
книжныхъ лавкахъ по 10 руб. экзempl.,
а за пересылку прилагается 1 р.

И. ПУШКИНЪ